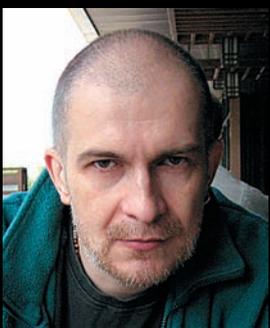

ПОРТФОЛИО Максим Железняков

Служенье муз не терпит тиража

Всякий раз, когда возникает необходимость что-то рассказывать о своем творчестве, я испытываю затруднение в словах. Художник создает картины. Картины молчат, и из этого молчания появляется то самое — невысказанное и невысказываемое, из-за которого человек или берется за инструменты рисования, или становится зрителем. Художник, поясняющий свои произведения, подобен глухонемому, пытающемуся жестами передать красоту звучания поэзии.

У меня было два учителя. Сначала был Олег Гроссе, который научил меня рисовать, проектировать и буквально строить картину. Научил думать головой и подчинять руку плану, графической перспективе, компоновке. Прошли годы, я был уже взрослым человеком, действующим сценографом, когда в моей жизни появился Юрий Кононенко, научивший меня не-думанию, подаривший мне счастливые откровения созерцательного чаньского творчества... Я очень благодарен им обоим, таким разным, поскольку истинная устойчивость обретается при опоре о противоположности.

Картины создаются всю жизнь. Они могут быть воплощены за считанные минуты или часы, но этому предшествует долгий период накопления. Художник живет, вбирает в себя встречи и образы, создает привязанности, любит, расстается, тоскует, радуется — переживает свою жизнь. Все, что случается с ним, проникает волшебным образом в его сны, в его произведения, переплетается с холстом и бумагой, выявляя те самые черты неповторимости и уникальности, которыми богат каждый человек.

Я получил образование художника сцены. Много делал в театре, до сих пор делаю и считаю эту форму творчества для себя основной. Искал фактуру и тяжелую земляную массу в керамике —

Кредо, которое может быть сформулировано, не есть истинное кредо.

"Книга о Дао и Дэ". Вольная трактовка А. Колмыкова

добился от нее скульптурного звучания. Работаю в книжной иллюстрации. Очень много места в жизни занимают независимые жанры — живопись, графика, теперь станковая фотография. Чем бы я ни занимался, рядом со мной всегда оказываются прекрасные, любящие и любимые мною люди, коллеги, друзья, зрители... Многие из них — герои моих спектаклей и картин. Все очень разные и все, безусловно, красивые.

То, что я делаю сейчас рядом со своими коллегами-художниками, и то, что мы называли «станковой фотографией», — фотографией в традиционном для современности понимании не является. Для меня это — те же картины, что и созданные пастелью, карандашом, красками.

Я не использую современных методов печати: не делаю принтерных или пролабовских отпечатков, не печатаю уже давно и по традиционной бромсеребряной технологии, хотя владею ею и уделяю ей достаточно времени. Работаю масляной краской большими щетинными кистями по фактурной акварельной бумаге — это называется «масляная печать», или OilPrint. Выбираю и сам готовлю бумагу: поливаю ее эмульсией, делаю ее чувствительной к свету, изготавливаю большие, в размер с отпечатком, контактные негативы.

OilPrint — технология старая, забытая, крайне громоздкая, долгая и «грязная». OilPrint требует специального оборудования мастерской, навыка рисовальщика, аккуратности ремесленника, привыкшего к ручному труду. Но именно OilPrint примирил меня с фотоизображением, к индифферентности которого я всегда относился недоверчиво. OilPrint позволил мне уйти и от ровно-холодной поверхности бромсеребряного отпечатка, и от сомнительных прелестей фотографизма.

За 20–30 минут работы с влажным листом, пока бумага не пересохла, нужно успеть «поднять» кистью то, что копится всю жизнь, раскладывается по кучкам, отвергается, снова достается из пыльных углов, тайно любит и, наконец, узнается в пленочных негативах, выгаскиваемых на яркий свет. Масло сопротивляется, ложится не так и не туда, лезет пятнами, стремится стать гладенькой «фоткой»... Но иной раз с ним удается договориться — рождается картина. В сырую краску ставится печать — на этом последняя ниточка, связывающая этот лист с «фотографией», уничтожается.

Второго такого же экземпляра нет и быть не может. Даже экспонируя бумагу из той же партии, под тем же негативом, я вдруг вижу... дождь за окном, и рука тянется за другой кистью, заварен другой чай, масло уже не столь строптиво... Все иначе — естественное течение жизни не приемлет тиража.

Собственно «фотографированию» я отвожу место где-то в неопределяемой середине всего действия, оно является не более чем физиологическим актом фиксации, туповатым слепком реальности. Не усложняя темы, можно выразить это как «лень рисовать». Кадр, предваряющий картину, появляется из эскизов, набросков на бумаге. Он именно появляется. Конечно, я планирую съемку, но я не пытаюсь сделать это усилием воли: секрет заключается в том, что нужно спокойно дожидаться, когда обстоятельства созреют — сами сложатся в предчувствованную мизансцену. Откроются интерьеры, пригласятся «актеры», появятся костюмы, образуется сам-собой нужный свет. Останется только нажать на кнопку спуска затвора и... ждать, когда отснятый кадр станет картиной.

Максим ЖЕЛЕЗНЯКОВ
www.alternativephoto.ru